

Коневская Ирина Петровна

РОЛЬ ФРЕЙМА В ПОНИМАНИИ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В данной статье мы раскрываем соотношение прагматики адресанта и адресата при восприятии эллипсисов. Успешность речевого общения зависит от умения определять личностные особенности коммуникантов и в соответствии с этим составить свои реплики в оптимальной при данных обстоятельствах форме. Актуальность исследуемого вопроса обусловлена тем, что в художественных произведениях немецких авторов часто встречаются эллиптические конструкции. Цель данной работы состоит в том, чтобы проследить процесс коммуникации, при котором собеседник отфильтровывает несоответствующий фрейм для правильного понимания высказывания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/10/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 89-93. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

18. Крейд В. Заитильщина // 22. 1981. № 19.
19. Матич О. Нужно забыть все старое и вспомнить все новое: беседа с Сашей Соколовым // Русская мысль. 1985. 31 мая.
20. Матич О. Палисандрия: диссидентский миф и его развенчание // Синтаксис. 1985. № 15.
21. Перельман В. О теле и духе, или о нашей эмиграции // Время и мы. 1985. № 84.
22. Перельман В. По страницам журналов "22" и "Синтаксис": Сомнительная мифология // Время и мы. 1986. № 91.
23. Савицкий Д. В садах российской словесности // Синтаксис. 1987. № 18. С. 159-160.
24. Сапгир К. В "Русской мысли" – писатель Саша Соколов // Русская мысль. 1981. 12 ноября.
25. Сапгир К. Дальний берег Палисандра // Континент. 1985. № 46.
26. Смирнов И. (I. S.). Непознаваемый субъект: бессубъектность, полисубъектность, ино-субъектность // Беседа. 1987. № 6. С. 127-143.
27. Соколов Саша. Palissandr – c'est moi? // Синтаксис. 1987. № 18.
28. Спиваковский С. Фонд почитателей творчества Саши Соколова // Панорама. 1987. 6-13 ноября.
29. Суслов А. Те, кто пришли: рец. на «Школу для дураков» Саши Соколова // Посев. 1977. № 5. С. 59-60.
30. Терновский Е. Состав прозы (Новая повесть Саши Соколова) // Русская мысль. 1980. 26 июня.
31. Толстой И. Два вечера с Ольгой Матич [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24800812.html> (дата обращения: 30.07.2013).
32. Цветков А. Уроки Меркатора // Просто голос: Поэма, эссе. М.: Независимая газета, 2002.
33. Smith G. The Verse in Sasha Sokolov's Between Dog and Wolf // Canadian – American Slavic Studies. 1987. Vol. 21. № 3-4.
34. Sokolov Sasha. Shkola dlia durakov. Ann Arbor, Mich.: Ardis Publishers, 1983. 169 p.
35. Zholkovsky A. Starring Joe Stalin as Himself: Astrophobia by Sasha Sokolov translated by Michael Henry Heim // Los Angeles Times. 1990. 11 Febr.
36. Zholkovsky A. The Stylistic Roots of Palisandria // Canadian – American Slavic Studies. 1987. Vol. 21. № 3-4. 369-400 p.

RECEPTION OF SASHA SOKOLOV'S CREATIVE WORKS IN CRITICISM OF RUSSIAN EXPATRIATE COMMUNITY IN THE 1970S-1980-S

Komarova Elena Nikolaevna

Russian State University for the Humanities

tselyu_v_klyk@list.ru

The article is devoted to the reception of Sasha Sokolov's creative works in emigrant criticism of the 1970s-1980s. Basing on the author's classification of criticism types, the correlation between the belonging of a critic to journalistic, literary or academic environment and the nature of his perception of Sokolov's works is shown; the process of integrating the writer into literary canon is analyzed in dynamics. The conclusion is made about the extreme uniqueness of each of the critics who wrote about Sokolov in this period, the possibility to tell that as a result Sokolov's metatext is formed around their reviews, and the need to consider critics' reaction within the framework of history of their own literary tradition.

Key words and phrases: Sasha Sokolov; reception; emigrant criticism; literary criticism of "inner circle"; canonization; periodicals of the Third Wave; interview.

УДК 811.112.2

Филологические науки

В данной статье мы раскрываем соотношение прагматики адресанта и адресата при восприятии эллипсисов. Успешность речевого общения зависит от умения определять личностные особенности коммуникантов и в соответствии с этим составить свои реплики в оптимальной при данных обстоятельствах форме. Актуальность исследуемого вопроса обусловлена тем, что в художественных произведениях немецких авторов часто встречаются эллиптические конструкции. Цель данной работы состоит в том, чтобы проследить процесс коммуникации, при котором собеседник отфильтровывает несоответствующий фрейм для правильного понимания высказывания.

Ключевые слова и фразы: адресат; контекст; слот; стереотипная ситуация; фрейм; эллипсис.

Коневская Ирина Петровна

Московский педагогический государственный университет

irinakonevskaya@gmail.com

РОЛЬ ФРЕЙМА В ПОНИМАНИИ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ[©]

Эллипсис привлекал внимание многих поколений исследователей в прошлом и продолжает быть объектом пристального внимания сегодня. Обратимся к некоторым дефинициям эллипсиса, приведенным в разных словарях. В Лингвистическом энциклопедическом словаре эллипсис определяется как пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, структурная «неполнота» синтаксической конструкции [3, с. 592]. Эллипсисы

обычно встречаются в разговорной речи, где часто используются конструкции с «незамещённой» синтаксической позицией. Эллипсисы используются в ораторской речи, в художественной литературе как стилистическая фигура, придающая тексту динамичность, большую выразительность, усиливая его экспрессивность.

Лингвистический словарь под редакцией Т. Левандовски определяет эллипсис как «опущение членов предложения, частей речи, морфем, которое обусловлено и становится возможным благодаря контексту и ситуации (в узком и широком смысле); незамещение пустых мест, нереализация сочетательного потенциала в речи» [9, S. 168]. В «Грамматике немецкого языка» В. Юнга эллипсис рассматривается как средство языковой экономии, которая состоит в отсутствии лишних членов предложения, выводимых из ситуации. Эта экономия проявляется на уровне словосочетания и на уровне предложения [8, S. 117-118]. В. Д. Девкин связывает эллиптические конструкции с разговорной речью, так как именно в них часть предложения опускается, поскольку она легко восстанавливается из предыдущей реплики или не является важной [1, с. 253].

Словарь Дудена трактует эллипсис прежде всего как «экономии частей речи, которая основана на стремлении однократно выразить общее, известное (Gemeinsames)». Классификация эллипсисов базируется на грамматическом критерии выпущения некоторых частей речи в предложении [7, S. 894-895].

Таким образом, мы определяем эллипсис как опущение частей речи в предложении, выводимые в рамках контекста.

В работах по когнитивной лингвистике исследования основываются на понятии о том, что разные типы знаний содержатся в памяти не в хаотическом порядке, а в виде особых структур. В этих структурах хранятся знания о стереотипных ситуациях, которые составляют систему общих знаний о мире и фрагмент реальной действительности. В данном случае речь идет о фреймовой модели представления знаний, которая базируется на теории фреймов Ч. Филлмора и отображает когнитивную модель памяти человека [5, с. 54]. Эта модель опирается на тезис о восприятии действительности через обращение к имеющимся в памяти особым структурам – фреймам.

В исследованиях, посвященных искусственному интеллекту и представлению знаний, фрейм описывается как система данных, связанных с понятийными объектами в памяти и обязательных для представления некой шаблонной ситуации, а также как основная единица представления знаний: «фрейм – это особая унифицированная конструкция знания» [Там же].

В дальнейших работах фрейм рассматривается как (от англ. *frame* – «рамка») «структура знаний, представляющая собой пакет информации об определенном фрагменте человеческого опыта» [2, с. 65].

Фрейм содействует правильной интерпретации смысла. Например, когда человек входит в комнату и ожидает увидеть стул, он актуализирует в памяти соответствующий фрейм стула. «Это означает, что он ожидает увидеть четыре ножки, несколько перекладин, сидение и спинку, определенным образом расположенные друг относительно друга. Например, ножки должны опираться на пол и находиться ниже сидения, а спинка – выше сидения, само сидение должно располагаться горизонтально, спинка – вертикально и т.д., если же система зрительного восприятия смогла обнаружить все перечисленные элементы, кроме спинки, то различие между тем, что мы видим, и тем, что мы ожидали увидеть, состоит в отсутствии требуемого числа спинок, а это свидетельствует скорее о наличии не стула, а скамьи или стола» [5, с. 52].

Ч. Филлмор, представляя свое понимание термина фрейм, приводит следующие примеры: «Неопытные туристы, считающие, что они провели в путешествии достаточно времени и заслуживают самого лучшего, иногда бывают разочарованы, обнаружив, что их отель **первого** класса находится неподалеку от куда более шикарного заведения; они чувствуют себя обманутыми, выяснив, что в официальной терминологии индустрии путешествий классификационная оценка **первый класс** на четвертом месте сверху и что вызывающий зависть соседний отель принадлежит к классу **люкс**.

Покупатели магазинов самообслуживания в США иногда становятся в тупик, обнаружив, что размер упаковки мыльной стружки, помеченной ярлыком *large* (большой), оказывается самым маленьким из имеющихся; большие же размеры маркируются такими надписями, как *jumbo* (большой, громоздкий), *economy* (экономичный), *giant* (гигантский) и *family size* (семейный)» [Там же, с. 58]. В последнем примере смятение покупателей можно объяснить тем, что слова, которые употребляются в этих случаях в особых фреймах, заимствованы из более знакомых фреймов и объясняются ими в своем использовании. Неправильное понимание может быть следствием того, что получатель сообщения присваивает слову то значение, которое ему более знакомо.

Другими словами, наше истолкование какого-либо факта находится в прямой зависимости от знания того, как фиксировано расположен данный факт в ряду других. Именно такой ряд фактов, где каждое звено имеет закрепленное положение, мы определяем как фрейм.

Иерархическое устройство фрейма состоит из терминальных узлов-слотов (терминалов). Их количество согласуется как с количеством элементов, обнаруживаемых в данном фрагменте опыта, так и с различными аспектами, которые были выделены на базе опыта взаимного воздействия человека с объектом данного типа. Каждый слот заключает в себе определенный тип информации, важный для соответствующего объекта действительности. При этом, «какие элементы информации, отраженные во фрейме, входят в лингвистическое значение слова, а какие в экстралингвистические – вопрос схоластический, коль скоро вся эта информация так или иначе используется говорящим при решении коммуникативной задачи описания пространства на естественном языке и понимания такого описания» [2, с. 67].

Таким образом, фрейм – особая «унифицированная конструкция знаний», представляющая собой сочетание слотов, определенная последовательность обращения к которым вызывает направленные ассоциации. Фреймы помогают адресату правильно трактовать поведение адресанта, планировать свои действия

и производить их таким образом, как подобает в обществе, то есть так, чтобы другой участник коммуникации смог истолковать его намерения и логику его поступков. Говорящий обращается в памяти к соответствующему фрейму при попадании в новую ситуацию. Для верной интерпретации того или иного высказывания адресат исключает то, что несовместимо с данным фреймом.

Именно поэтому мы обратились к понятию фрейм. При анализе эллиптических конструкций мы выявили закономерную зависимость успешного процесса коммуникации от правильной интерпретации эллиптического высказывания путем активизации тех или иных фреймов и выдвижения на первый план определенных слотов или их совокупности. Чтобы проследить, как реализуется фрейм в определенной эллиптической конструкции, следует привлечь довольно обширный контекст.

Например:

«Ein Päckchen könnte nicht schaden. Ich hatte Sandalwood».
Sie legte die Stäbchen neben die Päckchen. «Kennen Sie Superior Tibet Incense?»
Urs schüttelte den Kopf.
«Das habe ich am liebsten».
«Dann möchte ich es versuchen».
Lucille suchte eine Packung heraus. «Anstatt oder zusätzlich?»
Urs mußte lachen. «Zusätzlich».
«Ein Seidentuch brauchen Sie nicht?»
«Ich trage Krawatten».
«Für Ihre Frau, dachte ich».
«Ich habe keine Frau» [11, S. 24-25]. /
«Одну пачку на всякий случай. У меня было сандаловое дерево»
Она положила палочки рядом с пачками. «Вы знакомы с Superior Tibet Incense?»
Урс покачал головой.
«Они мне нравятся больше всего».
«Тогда я хочу их попробовать».
Люсиль отыскала одну упаковку. «Вместо или дополнительно?»
Урс засмеялся. «Дополнительно».
«Вам нужен шелковый платок?»
«Я ношу галстуки».
«Я имела в виду для вашей жены».
«У меня нет жены».

Разговор происходит на ярмарке между главным героем и девушкой, продающей ароматные палочки. Она предлагает главному герою приобрести шелковый платок, предполагая, что главный герой женат. Но если сначала главный герой может допустить, что девушка предлагает ему приобрести платок для себя, то из последующих реплик девушки адресат исключает этот фрейм и понимает, что девушка имела в виду его жену.

Рассмотрим ещё один пример:

Barbara Peters bot Sonia einen Sessel an. «Ich habe mir eine Psychotherapeutin anders vorgestellt».
«Ich mir eine Hotelbesitzerin auch».
Die junge Frau lachte und sah noch schöner aus. «Wer fängt an?»
«Womit?»
«Mit den Fragen».
«Normalerweise der Arbeitgeber».
«Also: Welchen Beruf haben Sie ausgeübt in den sechs Jahren seit Ihrem letzten Arbeitszeugnis?»
«Ich war verheiratet».
«Das ist doch kein Beruf».
«So, wie mein Mann ihn verstand, schon».
«Was ist Ihr Mann?»
«Banker. War».
«Nicht mehr?»
«Nicht mehr mein Mann».
«Verstehe. Geht mich ja auch nichts an».
«Nein» [10, S. 23-24]. /
Барбара Петерс предложила Соне сесть в кресло. «Я иначе представляла себе психотерапевта».
«А я – себе владелицу отеля тоже».
Девушка засмеялась и выглядела при этом еще красивее.
«Кто начнет?»
«Что?»
«Задавать вопросы».
«Обычно работодатель».
«Итак, чем вы занимались в течение шести лет с момента получения вашей последней справки с работы?»
«Я была замужем».

«Это же не профессия»
 «То, что под этим понимал мой муж, было профессией».
 «Кто ваш муж?»
 «Банкир. Был».
 «Уже нет?»
 «Уже не мой муж».
 «Понимаю. И меня это не касается».
 «Да».

В данном примере владелица отеля проводит собеседование с девушкой Соней, которую она хочет взять на работу в качестве психотерапевта. Из разговора можно заключить, что Соня неохотно рассказывает о своем замужестве, поэтому на вопрос о том, кем работает ее муж, она дает короткий эллиптический ответ. Таким образом, собеседница неправильно понимает ее реплику и задает уточняющий вопрос. Соня опять использует эллиптический ответ, чтобы выделить главное и позволить собеседнице выключить фрейм работы и понять, что речь идет о том, что они уже не женаты.

Eigentlich waren sie einig, als Sonia sagte: «Ich habe einen Wellensittich, ist das ein Problem?»
 «Ich hasse Vögel». Barbara Peters sah nicht aus, als scherze sie.
 Sonia seufzte und stand auf. «Schade. Der Vogel ist nicht verhandelbar».
 Barbara Peters zögerte. «Macht er Krach?»
 «Nur beim Staubsaugen».
 «Und Sie halten ihn im Zimmer?»
 «Klar».
 «Haben Wellensittiche nicht diese ansteckende Papageienkrankheit?»
 «Die haben Tauben auch».
 «Tauben hasse ich auch».
 «Wie gesagt: Pavarotti ist nicht verhandelbar».
 «Pavarotti? So laut?»
 «So dick».
 Sonias neue Chefin lachte. «Dann nehmen Sie den Scheißvogel halt mit» [Ibidem, S. 26]. /
 Собственно, они уже договорились, когда Соня сказала: «У меня есть волнистый попугай, является ли это проблемой?»
 «Я ненавижу птиц». Барбара не выглядела так, как будто она шутила.
 Соня вздохнула и встала. «Жаль. Птица не обсуждается».
 Барбара Петерс колебалась. «Он шумит?»
 «Только когда пылесосят».
 «И вы будете держать его в комнате?»
 «Понятно».
 «Нет ли у волнистых попугаев этого заразного пситтакоза?»
 «У голубей тоже он есть».
 «Голубей я тоже ненавижу».
 «Как я уже сказала: Паваротти не обсуждается».
 «Паваротти? Такой громкий?»
 «Такой толстый».
 Новая начальница Сони засмеялась. «Тогда берите с собой чертову птицу».

В приведенном примере главная героиня обсуждает условия приема на работу и выясняет, что будущая начальница не любит птиц. Героиня сообщает, что не готова оставить своего попугая по кличке Паваротти. Сначала начальница неправильно интерпретирует причину, по которой попугай получил такую кличку, и в форме эллиптического вопроса уточняет, является ли попугай таким громким. Собеседница даёт эллиптический ответ, который позволяет начальнице понять, что попугая назвали Паваротти потому, что он толстый. На данном примере можно проследить, как в процессе коммуникации собеседник ошибочно обращается к соответствующему фрейму, связанному с именем Паваротти, известному своим выдающимся голосом. Но эллиптический ответ помогает отфильтровать этот фрейм и активизировать в памяти ещё один фрейм, связанный с именем Паваротти.

Выводы

Адресат обращается к фреймам для истолкования высказываний, включающих в себя эллиптические конструкции, намёки и недомолвки. Адресат приводит содержание высказывания к шаблонной схеме и добавляет в уме то, что не было сказано. В момент получения новой информации адресат сопоставляет ее со своим опытом и знаниями и обращается к соответствующему фрейму, отделяя то, что не соотносится с данным фреймом. Под активизацией фрейма мы понимаем процесс, при котором адресат, устанавливая смысл фрагмента текста, приводит содержание этого фрагмента к такой схеме, которая общеизвестна независимо от текста. Если адресат не может подобрать соответствующий фрейм, то высказывание оказывается не понятным. В таком случае коммуникация идет, но не работает прагматика. Это и приводит к непониманию.

Список литературы

1. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 257 с.
2. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. М.: Энергия, 1979. 152 с.
5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 52-90.
6. Dijk T. A. van. Discourse and Power. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008. 308 p.
7. Duden 04. Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch: Band 4, 8. Auflage Mannheim Bibliographisches Institut AG, 2009. 1343 S.
8. Jung W. Kleine Grammatik der deutschen Sprache: Satz- und Beziehungslehre Leipzig: Bibliographisches Institut, 1953. 284 S.
9. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch. Quelle & Meyer Verlag Heidelberg 1973. Bd. 1. 361 S.
10. Suter Martin Der Teufel von Mailand: Roman. Zürich: Diogenes Verlag AG, 2007. 297 S.
11. Suter Martin Die dunkle Seite des Mondes: Roman. Zürich: Diogenes Verlag AG, 2005. 345 S.

ROLE OF FRAME IN UNDERSTANDING OF ELLIPTICAL UTTERANCES

Konevskaya Irina Petrovna

Moscow State Pedagogical University

irinakonevskaya@gmail.com

In this article the author reveals the correlation of speaker's and recipient's pragmatics in the perception of elliptical sentences. The success of speech communication depends on the ability to identify the personal features of communicants, and in accordance with it to make one's own remarks in the most optimal form under these circumstances. The topicality of the question under study is conditioned by the fact that elliptical constructions are rather frequent in the works of fiction of the German authors. The purpose of this paper is to trace the process of communication in which an interlocutor filters out an inappropriate frame for the proper understanding of utterance.

Key words and phrases: recipient; context; slot; stereotypical situation; frame; ellipsis.

УДК 811.112.2

Филологические науки

В статье анализируется функция эллиптических высказываний в диалогических единствах в аспекте иллокуции и перлокуции. В процессе общения участники коммуникативного акта делают выбор в пользу эллиптической или неэллиптической формы высказывания. Анализ диалогических единств позволил выявить обоснованность выбора эллиптической конструкции в условиях конкретного контекста. При анализе данных эллиптических конструкций мы выявили их эмоциональную функцию. Целью данной работы является выявление контекстных условий, при которых собеседники делают выбор именно в пользу эллиптических высказываний.

Ключевые слова и фразы: диалог; иллокуция; перлокуция; эллиптическое высказывание; эмотивность.

Конеvская Ирина Петровна

Московский педагогический государственный университет

irinakonevskaya@gmail.com

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АСПЕКТЕ ИЛЛОКУЦИИ И ПЕРЛОКУЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЫ)[©]

Одной из важных составляющих процесса общения является «эмотивный» компонент, который представляет собой результат выражения эмоций в высказывании. Данная составляющая функционирует в аспекте индивидуального выражения эмоций в момент общения и образует эмоциональный тип коммуникации.

Эмоциональная ситуация отображает различные аспекты эмоциональных переживаний говорящего. Данные аспекты исследователи делят на несколько групп по их направленности / ненаправленности на конкретного адресата: 1) ненаправленное эмоциональное состояние, отражающее стремление говорящего к выражению своих эмоций, чувств как реакцию на значимые для него стимулы; 2) ненаправленное эмоциональное отношение, предполагающее выражение субъективной оценки субъекта / объекта ситуации общения; 3) направленные эмоциональные проявления, характеризующиеся воздействием на эмоциональную сферу адресата посредством выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения. Первые две группы характеризуются выражением эмоций говорящего без желания оказания воздействия на собеседника. Последняя группа обладает «прагматическим намерением воздействовать» на адресата [4, с. 190].